

ВЕРА
КРЫЖАНОВСКАЯ

АДСКИЕ ЧАРЫ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К85

Крыжановская, В. И.

К85 Адские чары / В. И. Крыжановская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM. — 188 с. — (RUGRAM-классика).

ISBN 978-5-519-72609-2

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Веры Ивановны Крыжановской «Адские чары».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус) В1С FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	21
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	36
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	53
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	73
ГЛАВА ШЕСТАЯ	93
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	102
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	115
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.....	126
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.....	142
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.....	156
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.....	174

ГЛАВА ПЕРВАЯ

...Ненастный, холодный осенний день. Дождь шел с утра, покрывая мостовую и тротуары скользкой грязью. По одной из улиц Песков, завернувшись в непромокаемую накидку, торопливо шагала по лужам продрогшая девушка. У подъезда деревянного одноэтажного домика, сохранившегося в этой части столицы, она остановилась и позвонила.

— Что, Настя, мама вернулась? — Спросила она у открывшей дверь горничной.

— Нет, барыня. Мамаша сказала, что вернется не раньше, как к обеду, — ответила Настя. Снимая с нее мокрую накидку и кофточку, принимая зонтик.

— Какая, прости Господи, погода собачья, — болтала Настя, идя за барышней.

— Да, погода ужасная, а ветер просто ледяной, я совсем окоченела, — ответила та.

Разговаривая, они прошли отделанную со вкусом столовую, освещенный лампой коридор и вошли в большую, красивую, уютную, обставленную кретоновой мебелью комнату. Кровать под белым кисейным пологом и затейливые безделушки дополняли обстановку.

— Не прикажете ли, барышня, чаю подать? — спросила горничная, развешивая на стуле мокрые перчатки для сушки и пряча в картонку шляпу.

— Да, Настя, я с удовольствием выпью чашку горячего чая. Только давай скорее.

Оставшись одна, девушка села в глубокое кресло и, откинув голову, погрузилась в неприятное раздумье, о чем можно было предположить по сдвинутым бровям и злому, горькому выражению лица.

Кира Викторовна Нагорская была хорошенькая, двадцатитрехлетняя блондинка, стройная, с большими темными глазами и чудным цветом лица, черные ресницы и гордый взлет пушистых бровей придавали ее лицу смелое, оригинальное выражение.

Кира выросла в роскоши. Отец ее, генерал, занимал видное положение в военном мире и жил широко.

— С помощью своей супруги, очень светской женщины и большой мотовки, он спустил все состояние, а когда умер — лет пять тому назад — то и вдове и детям ничего не оставил, кроме пенсии, довольно значительной, чтобы обеспечить им безбедную жизнь. Но, разумеется, это было не то положение, к которому они привыкли.

Кира получила блестящее внешнее воспитание в одном из модных пансионатов, но ее душой, собственно, никто не занимался. Никто не потрудился вселить в нее религиозно-нравственные начала и убеждения, вложить в ее душу то *нечто*, которое руководит и поддерживает человека в прихотливых и сложных жизненных испытаниях. Вместо этого Кира приучилась с детства наряжаться по последней моде, кокетничать и гоняться за удовольствиями.

Подобное воспитание принесло, конечно, свои плоды, и в восемнадцать лет Кира, несмотря на врожденный прак-

тический склад ума, была уже легкомысленной девушкой без всяких иллюзий.

На жизнь она смотрела как на сплошной праздник, которому не суждено окончиться: быть вне дома возможно чаще, веселиться, наряжаться и побеждать сердца — вот в чем она видела цель существования.

А для достижения этой цели стесняться в средствах, по ее мнению, не стоило. Она настойчиво взыскивала полезные знакомства, не доверяла подругам и упорно стремилась сделать блестящую партию, которая обеспечила бы ей все блага земные.

Будет ли тот человек, который даст ей положение в обществе и богатство, молод или стар, красив или урод — для нее было безразлично. С раннего детства она наслушалась и насмотрелась столько, что ничего уже больше ее не корбило и не радовало. Поэзия умерла в ее молодой душе, она не мечтала уже о любви и искала только прочного положения в жизни, которое дало бы ей возможность свободно развернуться.

Заручившись «приличным» мужем, можно было развлекаться потом маленькой интрижкой, конечно, ловко пряча концы.

— Потому что, — говорила ее мамаша, тоже много «развлекавшаяся» в свое время, — одни дуры попадают. Только приличия были бы соблюдены, а остальное никого не касается, кроме Господа Бога.

Смерть отца нанесла тяжелый удар ее планам и ожиданиям. Необходимость сменить привольную жизнь на скромное «мещанское» прозябание причинила ей большое огорчение.

В тот день, когда начинается наш рассказ, Кира вернулась домой в отвратительном расположении духа. Надежда на хорошую партию рушилась и притом совершенно неожиданно.

В доме одной из подруг она встретила очень состоятельного молодого человека, занимавшего довольно уже видное место в министерстве.

Алексей Аркадьевич Басаргин был увлечен, по-видимому, красотой и кокетством Киры, сделал визит Нагорским и стал частым гостем на их вечеринках.

Все шло, как по маслу, и Кира готовилась торжествовать победу.

Басаргин очень ей нравился, и Кира даже начала думать, что такому мужу, как он, она, пожалуй, не изменит. Не изменит, конечно, пока не ощутит настоящей потребности «развлечься». По французским романам, которые так любила Кира, выходило, что такого рода похождения необходимы для поддержания женской красоты и свежести темперамента.

И вдруг что-то порвалось...

Алексей Аркадьевич перестал бывать, а сегодня, от одной из подруг, Кира узнала, будто в обществе заговорили о том, что Басаргин женится на одной из дочерей министра, девушке некрасивой, но зато очень богатой. Затаив в душе злость и отчаяние, Кира вернулась домой.

На что ей ее красота, изящество и тонкое кокетство, если любая дурнушка с туго набитой мошной может ее заменить? Ах, бедность, какое это проклятие! Неужели ей суждено всю жизнь влачить такое же, как теперь, жалкое существование, работать в редакциях, таскаться пешком

во всякую погоду, и, прожив так свои лучшие годы юности, пристроиться, под конец, за какого-нибудь бедного чиновника, чтобы только не сидеть старой девой!

Вот о чем думала она, полулежа в кресле. И вдруг такая горечь и тоска защемили ей сердце, что она закрыла лицо руками, и из глаз полились горькие слезы.

Кира была так поглощена горем, что не заметила, как в комнату вошла горничная, неся на подносе чашку чая и тарелку с сэндвичами.

Настя была свежая, добродушная деревенская девушка, преобразившаяся в столице во франтоватую горничную. Она любила свою барышню, которая была к ней добра и снисходительна и нередко делала подарки.

Увидав, что Кира плачет, она остановилась в нерешительности, с сожалением глядя на нее. Сметливая и наблюдательная Настя угадала причину слез и огорчения.

Она заметила, конечно, что нарядный барин, приезжавший всегда на собственных рысаках, вдруг перестал у них бывать. Поняла она также, что исчезновение такого богатого обожателя, а может быть и жениха, жестоко огорчило барышню.

Еще с минуту Настя раздумывала, кусая губы, а затем решительно поставила поднос на стол, подошла к Кире и тронула ее за руку.

— Барышня, милая, не плачьте. Коли захотите сходить к одной ворожее, которую я знаю, так она выдаст вас замуж за кого только вам вздумается.

Эти слова она подчеркнула.

Кира выпрямилась и покраснела, видимо, недовольная.

— Какие глупости ты говоришь! Моему горю никакая колдунья не поможет, потому что и колдуний-то не существует, а есть одни только обманщики, которые обирают глупых. Поддай мне чай.

Настя покраснела в свою очередь.

— Ах Такая вы умная барышня и не верите в колдовство, — неодобрительно качая головой, сказала Настя. — Сомневаться в том, что каждому доподлинно известно! А только моя колдунья, заверяю вас, уж не обманет и все может. Я знаю, потому что сама ее испытала.

Кира не могла удержаться и рассмеялась:

— Это другое дело. Расскажи, что с тобою было, тогда я, пожалуй, и поверю.

— Ах, барышня, вы моя милая! Да я вам все, как на духу, скажу, потому, я вам добра желаю, а уж вы меня не выдайте, особенно барыне не говорите.

— Нет, нет. Говори, не бойся.

— Вот как все вышло. В трактире напротив служит лакей, который мне больно приглянулся. Уж очень он красив из себя, да и нарядный такой, настоящий *франчик*, к тому же он мой земляк. У него, знаете, восемьсот рублей в сберегательной кассе прикоплено, да дома землицы порядочно есть. Зовут его Викентием Маковкиным. Задумала я за него замуж выйти, а он, мошенник, за всеми, что ни на есть кругом ухаживает, особенно за сенатора, что вот в том доме проживает. Такое это было для меня огорчение, что и сказать не могу. Была я как-то раз у кумы, городовихи, и сказала ей про свое горе. А Аксиньюшка-то мне, значит, и говорит: «Будь покойна, ты за него, своего Викентия, замуж выйдешь, я только тебя к одной женщине свожу. Она бо-о-льшую